

Подойдя ближе, он разглядел ярко-красную связку засахаренных плодов, покрытых толстым, блестящим на солнце слоем карамели. Танхулу — да ещё какой крупный, гораздо больше всех, что ему доводилось видеть прежде. Неужели Ле купил его и оставил здесь? Неужели для него?

Мо Shui горько усмехнулся про себя. Едва ли. Это наверняка предназначалось «тому, другому». Разве сам он хоть когда-нибудь заслуживал подобной трогательной заботы?

Стараясь не смотреть на соблазнительное лакомство, Мо Shui взял в руки лечебный трактат, к которому давно не прикасался. Ему хотелось ещё раз изучить всё, что касалось «Ванчэнь» — яда Забвения Пыли. Неужели от него и впрямь нет снадобья? Целый год непрерывных изысканий вместе с Мо Ле так и не принёс плодов.

Солнечные лучи будто намеренно сфокусировались на танхулу, отчего глянцевая глазурь слепила глаза и откровенно раздражала.

«Пусть лежит, — решил он. — Дождётся, пока "тот" проснётся, и пусть ест. Всё равно это принесли не мне».

Однако когда иной образ опять возьмёт верх? Едва ли раньше завтрашнего вечера. За столь долгий срок сладость испортится. А если другой он съест испорченный танхулу, у него разболится живот — и страдать в итоге придётся тому же самому телу!

«Какой смысл мучиться? Лучше уж я сам его сдам, — оправдал себя Мо Shui. — Живот-то у нас один на двоих, что в его черед, что в мой».

Вооружившись этой неопровержимой логикой, Мо Shui без лишних колебаний взял танхулу. Осторожно сняв прозрачную обёрточную бумагу, он кончиком языка коснулся карамели — сладко, с лёгким цветочным ароматом. Взгляд через окно: снаружи никого. Не хватало ещё, чтобы слуги и ученики Поместья Заоблачных Высей увидели, как их почтенный владыка лакомится детскими сладостями.

Он откусил кусочек. Капля липкого сахара осталась на губах, и Мо Shui с удовольствием сощурил глаза. Кисло-сладкий, сочный вкус... Удивительно! Почему он никогда не пробовал ничего подобного раньше?

С самого детства Мо Shui казался окружающим чересчур взрослым и суровым. Никому и в голову не приходило угостить его танхулу — подобные ребяческие лакомства совсем не вязались с его обликом отрешённого, неземного бессмертного. Все были свято уверены, что он презирает подобные глупости, совершенно забыв, что когда-то и он был лишь ребёнком... Ну а теперь, когда он вырос и возглавил поместье, тем более никто бы не подумал, что Мо Shui по душе такие простые радости.

Осторожно доев всю палочку до последнего плода, он тихо, сыто вздохнул с терпким ягодным послевкусием на языке. Сегодня он впервые в жизни вкусил столько незнакомых лакомств. Вот

только ни одно из них не предназначалось ему. Всё готовили ради того, второго. Неужели тот другой и впрямь стал всеобщим любимцем? Неужели его собственный настоящий характер настолько отталкивает?

А Ле? Любит ли Ле того, второго? Неужели прежний Мо Shui ему больше не нужен?

Он вспомнил мгновение своего утреннего пробуждения: отчётливый проблеск разочарования в глазах Мо Ле. Ле расстроился из-за того, что очнулся именно он?

Почему за столько лет у него так и не появилось никого, кто принадлежал бы только ему одному? Даже Мо Ле, которого он когда-то забрал к себе и выходил как родного сына... неужели и он решил от него отказаться?

От этих мыслей сердце сжалось от острой, тупой боли, а в груди разрослась ледяная пустота. Неужели ему снова суждено остаться в полном одиночестве? Если он умрёт, никто настоящему не станет оплакивать его. Мир лишь вздохнёт о гибели великого лекаря, а венценосные братья разве что порадуются уходу опасного соперника...

Он невнимательно листал страницы медицинского свода. Действительно ли у яда «Ванчэнь» нет исцеления?

Мо Shui и сам не понимал, чего желает. Если снадобья нет, возможно, это станет для него освобождением? Тогда он сможет уступить место второй личности и позволить ей жить легко и счастливо. Но одновременно с этим его охватывал дикий ужас. Он боялся, что если его собственное сознание угаснет навсегда, у него не останется вообще ничего. Он потеряет Ле.

Но ведь Ле наверняка знал решение! Мо Shui столько лет обучал его врачеванию и прекрасно знал возможности ученика: тот давно превзошёл своего наставника. Да, избавиться от яда целиком, быть может, не удавалось, но у Мо Ле точно хватило бы мастерства подавить один из образов и оставить лишь один. И всё же Ле не стал уничтожать вторую личность, возникшую из-за отравления, чтобы сохранить прежнего Мо Shui. Он колебался.

Разве это не доказательство того, что второй он дорог Мо Ле куда больше?

Мо Shui безжалостно терзал себя ревностью к самому себе, совершенно не догадываясь о настоящих помыслах Ле. Мо Ле лишь искал способ спасти обоих: соединить две расколотые половины воедино, чтобы его Мо Shui сохранил память обо всех прожитых десятилетиях и при этом обрёл долгожданное счастье и покой. Вот только Мо Shui не мог прочесть мыслей своего ученика.

Чем больше он размышлял, тем сильнее становился страх. Его сегодняшнее пробуждение было неполноценным, да и сам Ле вёл себя странно. Зачем нужно было потчевать его всеми этими изысканными блюдами? Неужели это прощальный дар? Неужели Ле уже сделал выбор и теперь просто пытался заглушить чувство вины?

Мо Shui просидел в одиночестве до самых сумерек, пока за окном не сгустилась тьма. И беспрестанные терзания привели его к единственному выходу: Мо Ле решил бросить его.

«Что ж... пусть хотя бы в последний раз всё будет по-моему».

Он взял свою подушку, окинул взглядом опустевшую постель и принялся за дело. В эту последнюю ночь он хотел уснуть рядом с Ле. Даже если завтра он не проснётся вовсе, он не станет винить своего ученика. В конце концов, Ле — это его Ле.

Качнув головой, он покинул покой и устремился к Терему Ледяной Стужи.

Когда Мо Ле отворил дверь, перед ним предстало изумительное зрелище: на пороге стоял Мо Shui с жалким и потерянным видом, крепко прижимая к груди подушку.

«Неужели снова сменился? — изумился Мо Ле. — Несколько раз за день? Это совсем никуда не годится!»

— Сегодня... сегодня... — Щеки Мо Shui вспыхнули так, будто к ним приложили раскалённое железо. — Я... я хочу спать с Ле...

Он спотыкался на каждом слове. Кое-как закончив фразу, Мо Shui с напускным хладнокровием прошёл мимо него к кровати, забрался под одеяло и тут же укрылся с головой, сгорая от смущения.

По одной этой неловкой, заплетающейся речи Мо Ле мгновенно понял: перед ним всё тот же утренний Мо Shui, гордый владыка поместья, а вовсе не его безудержный альтер-эго. И всё же он сам пришёл в его спальню — чего прежде с настоящим Мо Shui не случалось никогда. Подобное самоволие позволял себе лишь второй, капризный образ.

Глядя на сворачивающегося под одеялом «страуса», Мо Ле невольно, тепло улыбнулся.

«Надо же, когда ты успел стать столь нежным? Теперь я уж точно тебя никуда не отпущу».

<http://bllate.org/book/20318/2118471>